

В. Л. МАЛЬКОВ

КОММУНИСТЫ, СОЦИАЛИСТЫ И «НОВЫЙ КУРС» РУЗВЕЛЬТА

Из истории борьбы за единство антимонополистических сил в США

Борьба за единый рабочий и антифашистский народный фронт — яркая и важная страница в истории международного рабочего движения. Исключительную роль в ее теоретическом обосновании сыграл VII конгресс Коминтерна (1935 г.). Конгресс в огромной мере содействовал развитию и подъему международного рабочего движения, обогащению марксистско-ленинской революционной теории, стратегии и тактики борьбы за коренные интересы рабочего класса, народных масс, прежде всего борьбы против реакции, фашизма и мировой войны. Одной из примечательных черт работы конгресса был всесторонний учет специфических особенностей и условий социально-экономического развития различных стран применительно к задачам сплочения всех антифашистских и антивоенных сил. В частности, конгресс уделил большое внимание борьбе за единство демократических сил в США, где «новый курс» привел к важным сдвигам в экономике, политике и общественном сознании. И поныне выводы из этого анализа сохраняют свое злободневное значение.

В настоящей статье делается попытка рассмотреть ряд существенных моментов, относящихся к истории борьбы за единство действий коммунистов и социалистов в США в 30-е годы, к выработке общей стратегии прогрессивного антимонополистического блока в предвоенное десятилетие¹.

* * *

28 ноября 1935 г. выходившая большим тиражом консервативная «New York Herald Tribune» на видном месте опубликовала подробный отчет о многотысячном собрании сторонников коммунистической и социалистической партий США. «Единый фронт социалистов и коммунистов США, а также создание рабоче-фермерской партии, — писала газета, — приблизились к своему осуществлению после вчерашнего события в Мэдисонсквер гарден. Более 20 тыс. человек заполнили этот вместительный зал с тем, чтобы послушать выступления Нормана Томаса, дважды баллотировавшегося на пост президента США от социалистической партии, и Эрла

¹ При подготовке статьи в качестве документального источника автором использован архив председателя социалистической партии США Н. Томаса, хранящийся в Отделе рукописных фондов Нью-Йоркской публичной библиотеки. По мнению американских специалистов, эти материалы содержат наиболее полную информацию по проблеме. — «Labor History», Winter 1973, vol. 14, № 1, p. 94. В советской литературе вопросы развития социалистического движения в США в 30-х годах затронуты лишь в разделе Н. В. Куркова в первом томе «Истории рабочего движения в США в новейшее время». М., 1970.

Браудера, генерального секретаря коммунистической партии. Темой дебатов были отдельные положения соответствующих партийных программ. В том же самом, украшенном красными гирляндами зале, где 18 месяцев назад произошла стычка между представителями обеих партий, собравшимися по случаю выступления венских рабочих против правительства (речь идет о февральских боях 1934 г. в Вене. — В. М.), все присутствовавшие вчера на митинге дружно приветствовали обоих выступавших. Громкими возгласами одобрения они встречали каждое упоминание о едином фронте... В основе достигнутого взаимопонимания лежала общая реакция на угрозу фашизма в Соединенных Штатах, на которую ссылались каждый раз, когда упоминания о разногласиях грозили нарушить атмосферу единства, господствующую в зале»².

Знаменательному событию, о котором с оттенком раздражения и настороженности сообщала газета, предшествовал длительный период разобщения и борьбы между двумя партиями. В основе конфликта лежали глубокие идейно-политические противоречия между революционными и оппортунистическими элементами, проявившиеся с момента зарождения социалистического движения в США. В 1919 г. развитие этих противоречий закономерно привело к кризису социалистической партии, выходу из нее левого крыла и организационному оформлению последнего под знаменем марксизма-ленинизма. В конце 20-х — начале 30-х годов они дали о себе знать с новой силой.

Коммунистическая партия США с момента своего образования отдавала все силы самоотверженной, не отступающей ни перед какими жертвами борьбе за классовые интересы пролетариата, за развитие его политического самосознания. Трудности нелегального периода, неблагоприятный моральный климат 20-х годов, наполненный криками о «золотом веке» американского капитализма, о незыблемости процветания, не заставили компартию отказаться быть застрельщиком любой политической инициативы, поднимающей рабочие массы США до осознания ими своей роли передового класса общества, способного дать Америке подлинную свободу и демократию.

Напротив, руководство социалистической партии после смерти Юджина Дебса либо открыто, либо в слегка завуалированной форме постоянно проводило линию на умаление классовой борьбы. Социальная критика существующих порядков в старых традициях «разгребателей грязи», плоское морализирование и проповедь градуализма, казалось, окончательно вытеснили ту печать философии революционного действия, которая лежала на ранних программах социалистического движения. Говоря словами В. И. Ленина, это был худшего вида «социализм» и худшее извращение его³.

Многое объясняется тем влиянием, которое стал оказывать на деятельность социалистической партии социальный евангелизм (сторонники его заняли руководящие посты в партии)⁴. Весь ее облик претерпел изменения и стал бесконечно далек от того идеала, к которому звали Ю. Дебс, У. Хейвуд, Ф. Меррик и другие руководители социалистов. Превратившись в узкую секту, именуемую в журналистских кругах партией «священников и дантистов», социалистическая партия всю свою энергию

² «New York Herald Tribune», 28.XI.1935.

³ См. В. И. Л е н и н. Полн. собр. соч., т. 48, стр. 231. Журнал «Modern Quarterly», подводя итоги избирательной кампании 1928 г., писал: «Социалистическая партия... приобрела своеобразные паблисити и псевдопрестиж, вооружившись тактикой, которая ничем не отличается от стратегии буржуазной партии. Исключив положение о классовой борьбе из своей избирательной платформы, социалистическая партия рассчитывала приспособиться к американским условиям, однако вместо этого она в смешном виде выставила свое имя и свои традиции. Норман Томас, ее кандидат в президенты, больше времени посвящал атакам на Альфреда Смита (кандидат от демократов), чем пропаганде социализма» («Modern Quarterly», vol. 5, № 1, November 1928, p. 3).

⁴ См. А. А. К и с л о в а. Социальное христианство в США. М., 1974, стр. 65.

направила на агитацию в пользу «мирной революции». Процесс постепенного утверждения нового общественного уклада путем изменения сознания и завоевания на сторону социализма всех классов американского общества противопоставлялся якобы «ограниченным» и «вредным» последствиям политики марксизма-ленинизма. Приводимые в защиту такой позиции утверждения были почерпнуты из идейного багажа бернштейнианства, противопоставляющего «демократический» путь к социализму «диктаторскому», твердящего о «мирных» политических переворотах ⁵.

Коммунисты указывали, что трактовка с вульгарно-буржуазных, мещанских позиций марксистско-ленинского учения о революции и диктатуре пролетариата навеяна страхом перед будущим и прямо связана с отказом от научного анализа условий классовой борьбы в программных документах партии. Социалистическое движение и в годы кризиса оставалось неразличимым от движения за социальную реформу. Об этом свидетельствовала избирательная платформа социалистов, обнародованная в 1932 г. В момент резкого обострения классовых противоречий в стране обращение партии к избирателям походило на каталог благочестивых пожеланий, в принципе вполне приемлемых и для буржуазных прогрессистов, на пассивный призыв внять доводам в пользу нового социального порядка без четкого и ясного указания на ту роль, которую призван играть рабочий класс, его союзники во всех грядущих политических битвах с монополистической буржуазией.

Наследие Э. Бернштейна сказалось и в том, что в каждом заявлении авторитетных лидеров партии проглядывало стремление говорить не от лица эксплуатируемых масс, а от имени «всего народа». Время от времени на словах социалисты объявляли себя полпредами рабочего класса, на деле же относились к нему как к классу без будущего, поскольку «прогресс новой технологии», как утверждал, например, лидер партии Н. Томас, ведет якобы к утрате рабочими ключевых позиций в процессе производства ⁶.

Тактические установки партии, выбор средств и методов завоевания большинства нации на сторону социализма — все это было производным от ее идеологической платформы, насквозь пронизанной реформизмом и духом «американской исключительности». Во главу угла были поставлены верхушечные, парламентские действия, в избирательном бюллетене видели универсальное средство социального обновления ⁷. Неверие в массы, в действия масс стало типичной чертой партии. Самоустранение с арены классовых конфликтов и сектантство в отношении широких организаций трудящихся сочетались с тактикой беспринципного соглашательства с отдельными либерально-буржуазными или же псевдореволюционными группами. Вклад партии в борьбу с расовой дискриминацией ограничивался выражением чисто словесной солидарности с угнетаемым негритянским меньшинством.

Коммунистическая партия — единственная среди левых партий и рабочих организаций, всецело отдавшая себя делу мобилизации масс на борьбу против наступления капитала, гуверновской политики голода и попраiania демократических прав, — открыто и без устали критиковала социалистов. Коммунисты считали необходимым вести последовательную борьбу против реформистских иллюзий, нашедших свое отражение в

⁵ «Socialist Planning and a Socialist Program». A Symposium. Ed. by H. W. Laidler. New York, 1932, p. 225—235; K. P a g e. Individualism and Socialism. An Ethical Survey of Economic and Political Forces. London, 1934, p. 201—231; N. T h o m a s. Why I Am a Socialist. Chicago, 1932, p. 10; «American Labor Year Book, 1932». New York, 1932, p. 93—94.

⁶ N. T h o m a s. The Choice Before Us. New York, 1934. Современные утопические концепции «революции посредством сознания» идеологов американской «новой левой» Чарльза Рейха и Теодора Розака в свете истории выглядят сколком с социал-реформистских иллюзий 20-х — начала 30-х годов.

⁷ N. T h o m a s. As I See It. New York, 1932.

идейно-политической платформе и практической деятельности социалистической партии. В этом деле не обошлось без полемических перегибов и серьезных тактических ошибок, которые коренились в неверной оценке социал-демократии как «социал-фашизма». Руководство социалистической партии, ухватившись за них, получило лишний предлог для отклонения предложений об установлении контактов и соглашений о совместных действиях в защиту интересов трудящихся. К этому прибавились возникшие затруднения из-за неодинакового отношения обеих партий к первым мероприятиям «нового курса», неодинаковой оценки характера буржуазного реформаторства Ф. Рузвельта, его перспектив.

Компартия, не без оснований опасаясь дезориентации масс в результате усиленной их обработки пропагандой «классового единения» и чудотворного действия рузвельтовской программы экономической реконструкции, в целом верно вскрывая ее классово ограниченный характер, вместе с тем с ущербом для теоретической ясности в своем анализе общей ситуации первоначально поставила акценты на негативных последствиях «нового курса» для широких масс. Утверждалось, например, что реформы Рузвельта еще более ухудшат невыносимое положение трудящихся, которые-де не могут извлечь из них ничего, что способствовало бы дальнейшей консолидации прогрессивных сил вокруг рабочего класса, подъему движения на новый, более высокий уровень и т. д.⁸ Вследствие недооценки диалектического взаимоотношения между реформой и революцией возникала опасность искаженного представления о ближайшей исторической перспективе, узкого толкования тактики союзов, отрыва от масс, чья сознательность еще отставала от хода событий. Г. Холл, говоря об ошибках партии, не позволивших ей на завершающем этапе экономического кризиса полностью использовать потенциал творческого действия всех демократических сил, указывал на переоценку темпов и масштабов радикализации низов, что выразилось в умалении конкретных общедемократических требований и антимонополистических акций. Выдвинутый компартией в качестве прямого призыва лозунг «революционного выхода из кризиса» оставался далеким массам, поскольку социально-психологические и политические условия социалистической революции еще не созрели.⁹

Напротив, социалисты первоначально больше были склонны рассматривать «новый курс» как решающий исторический поворот, как подлинный революционный сдвиг в сторону «социализации» экономики США. Смену форм эксплуатации, углубление государственно-монополистических тенденций они чисто по-каутскиански восприняли как начало процесса самоликвидации капитализма по мере простого накопления количественных изменений. В такой трактовке и Закон о восстановлении промышлен-

⁸ См. материалы Чрезвычайной конференции (7—10 июля 1933 г.) и материалы пленума ЦК компартии США (14—15 октября 1933 г.). — «Communist», August 1933; November 1933, p. 1088—1095; May 1934, p. 432—433. Член руководства компартии А. Биттельман (в трудные для партии 50-е годы оказавшийся в лагере правых оппортунистов) писал в январе 1934 г.: «Новый курс» и Национальная администрация восстановления лицедействуют собой резкий поворот американского империализма в сторону фашизма и войны. — «Communist», January 1934, p. 94. Выступая на пленуме ИККИ в ноябре 1934 г., генеральный секретарь компартии Э. Браудер говорил: «Фашистский путь, по которому политика Рузвельта ведет страну, становится все яснее для всего мира» («XIII пленум ИККИ». Стенографический отчет. М., 1934, стр. 106). А уже вскоре, поставив перед собой цель развалить компартию, Браудер ударился в апологию буржуазного либерализма. Парабола, описанная ревизионистами, сначала отождествлявшими буржуазный реформизм с фашизмом, а затем перешедшими на сторону того же реформизма, по-своему была логичной для того способа мышления (если отвлечься от ряда других обстоятельств), который Г. М. Димитров на VII конгрессе Коминтерна охарактеризовал как «схематический» (См. Г. Димитров. В борьбе за единый фронт против фашизма и войны. М., 1937, стр. 70).

⁹ G. Hall. Use of Objective Factors In Hastening Revolutionary Crisis. — «Political Affairs», April 1970, p. 11.

ности (НИРА) и обещания Рузвельта добиваться осуществления принципов «организованного капитализма» выдавались чуть ли не за введение в социализм, социализм *неклассовый*, угодный всем, богатым и бедным, трудящимся и хозяевам ¹⁰.

Достаточно отчетливо это убеждение было высказано, в частности, в статье Н. Томаса в газете «New Leader». В ней Томас подчеркнул уникальный характер происходящего у всех на глазах преобразования, которое он приравнивал к мирной революции. Сбылось предвидение поборонок эволюционного социализма, победили те, кто делал ставку на связующие воедино все классы американского общества чувство патриотизма и высокую сознательность. «То, что такая революция произошла, — писал Томас, — следует отнести за счет способности американского народа под умелым руководством действовать решительно и без оглядки на прецедент, полагаясь на лучшие ожидания, а не на страхи. Еще в большей степени это следует отнести за счет мужественного и проницательного руководства президента и его администрации» ¹¹.

Забегая вперед, следует сказать, что уже после раскола социалистической партии в 1936 г. и выхода из нее правого крыла та же «New Leader», сохранившаяся в качестве центрального органа так называемой социал-демократической федерации (ее редактором по-прежнему оставался Джеймс Онил), безоговорочно ставила знак равенства между направлением, взятым администрацией Рузвельта, и целями, которые преследовала федерация. Политика Рузвельта, утверждала газета, полностью отвечает духу той социалистической доктрины, которая была господствующей в партии до 1932 г. ¹². Фигура самого президента окружалась ореолом лидера, не скованного узкоклассовыми предрассудками и способного преобразовать демократическую партию в подлинно народную партию ¹³.

Рецидив лассальянства, который давно оказывал разлагающее влияние на социалистическое движение США, проявился здесь со всей определенностью. Более того, предвидя возражения, идейные вожди социалистов стремились снять их также в истинно лассальянском духе — указанием на то, что буржуазия просто не посмеет оказать серьезное сопротивление любым мерам огосударствления, проводимым Рузвельтом и конгрессом, если они будут подкреплены волеизъявлением избирателей, и добровольно подчинится этой легальной отмене всех форм эксплуатации без саботажа и бунта в защиту ее привилегий. Страх перед революцией делал социалистов пленниками либерализма ¹⁴.

Коммунисты, критикуя социалистов, показывали, что доверять буржуазным политикам осуществление социалистических идеалов есть худший вид оппортунизма и беспринципности. В фантастических допущениях социалистических лидеров они видели не безобидную игру в слова, а прямой отголосок буржуазно-либеральных теорий, наделявших «новый курс» мессианскими чертами и объявлявших его неким синтезом идеализма, государственной мудрости и гражданского мужества, подлинным продуктом национального политического гения.

Ход событий, в полной мере выявивший классовый характер «нового курса» как политики спасения капитализма, вынудил центристское руководство социалистической партии видоизменить свою позицию. Вызываю-

¹⁰ См. статью Н. Томаса в «The New York Times», 18.VI.1933, p. XX5; К. Р а г е. Op. cit., p. 193, 194.

¹¹ «New Leader», 19.VIII.1933, p. 12.

¹² «New Leader», 16.I.1937, p. 4.

¹³ «New Leader», 14.VIII.1937, p. 1.

¹⁴ «World Tomorrow», 31.VIII.1933; «New Leader», 13.I.1934, p. 1, 8. На всех этих рассуждениях социалистов 1933—1934 гг. лежал отпечаток влияния концепции «плавного и мирного перерастания» буржуазного либерализма в некое направленное действие, преследующее цель социалистической реконструкции общества, — концепции, которую развивал философ-инструменталист Джон Дьюи. — J. Dewey. Liberalism and Social Action. New York, 1935.

щие резкие возражения левого крыла партии рассуждения о «рузвельтовской революции», которая якобы кладет конец старой хозяйственной системе, уступили место запоздалым предупреждениям против «опасных иллюзий» видеть в НИРА и других реформах ступень в постепенном восхождении к социализму¹⁵. Делегаты съезда социалистической партии в Детройте (июнь 1934 г.), собравшиеся в момент крупнейших в истории США всеобщих забастовок, испытывая груз моральной ответственности за банкротство германской и австрийской социал-демократии¹⁶, проявили серьезные намерения покончить с тактикой и стратегией политического хвостизма, делавшей все социалистическое движение простым придатком буржуазной демократии. Восстановление пункта устава, объявляющего признание классовой борьбы важнейшим условием принадлежности к социалистической партии, характеризует атмосферу, царившую на съезде. Принятая им декларация о принципах исходила из признания близкого окончательного краха капиталистической системы в США и необходимости (в случае возникновения «всеобщего хаоса и паники») создания правительства «под руководством рабочих»¹⁷. Выдвинутый тезис, хотя и был шагом вперед, вместе с тем не давал ответа на главный вопрос о том, какой характер должны носить отношения собственности в будущем обществе. И все же появилась почва для сближения между коммунистами и социалистами. Именно к этому призывали руководство социалистической партии усилившиеся в ней революционные элементы, так называемая фракция «боевых».

Действия компартии США, направленные на преодоление левосектантских ошибок, создавали необходимые предпосылки для ведения конструктивного диалога. Еще в марте 1933 г. компартия обратилась к социалистической партии и другим рабочим организациям (в первую очередь к АФТ) с предложением достигнуть соглашения о единстве действий в борьбе против крайней реакции и угрозы войны, а также в защиту наиболее общих экономических требований, которые были одинаково приемлемы для всех¹⁸. Однако долгое время все подобные предложения под различными предлогами отклонялись руководством социалистов, соглашавшимся лишь на «ограниченные контакты».

Резкое обострение классовых конфликтов в 1934—1935 гг. и рост угрозы со стороны крайне правой реакции привели к пересмотру многими рабочими организациями их позиций в отношении общей политической ориентации и проблемы единства. Уступая давлению левых, настаивавших на отказе от формулы градуализма и «революции по соглашению», и опасаясь потерять контакт с местными организациями, Томас начинает дрейф в сторону признания несбыточности тех надежд, которые он возлагал на «новый курс», и желательности диалога с коммунистами. Но реализм Томаса не отличался ни глубиной, ни последовательностью. Вместо рациональной оценки в его выступлениях все сильнее звучит мотив огульного отрицания всякого позитивного значения преобразований 30-х годов, добытых борьбой масс и зафиксированных в узаконениях «нового курса», а мероприятия правительства Рузвельта объявлялись прелюдией к фашизму. Вторя ему, видный теоретик партии Г. Лейдлер усмотрел в НИРА непосредственную угрозу фашистской узурпации¹⁹.

¹⁵ Эта уступка левому крылу носила характер тактического маневра. Сам Н. Томас до последних дней своей жизни не расстался с убеждением, что Рузвельт в «определенном смысле» руководствовался социалистической программой, осуществление которой было рассчитано на длительный срок. — N. T h o m a s. What Are the Answers? Norman Thomas Speaks to Youth. New York, 1970, p. 66.

¹⁶ M. B. Seidler. Norman Thomas. Respectable Rebel. New York, 1961, p. 113—114.

¹⁷ «National Constitution, Declaration of Principles and Congressional Platform as Adopted in Convention at Detroit, 1934». Chicago, 1934, p. 28—34.

¹⁸ «Daily Worker», 18, 30.III.1933; «Communist», May 1933, p. 426, 433.

¹⁹ «New Leader», 3.III.1934, p. 7.

Неоспоримо, однако, что для всей партии характерным становилось более глубокое осознание растущей опасности справа²⁰.

Признание истины о свойственной монополистическому капитализму тенденции к политической реакции наряду с уяснением левым крылом социалистической партии трагических уроков итальянского, германского и австрийского рабочего движения открывали новые перспективы в борьбе за единение всех демократических сил против внутренней реакции. Попытка правого крыла на съезде в Кливленде в 1936 г. протащить предложение о безоговорочном отказе от любого рода совместных действий с коммунистами была отвергнута, хотя Томасу и удалось уговорить делегатов отложить на время окончательное решение вопроса²¹. В этих условиях флиртующее с левыми центристское руководство не в состоянии было откладывать в долгий ящик обсуждение предложений коммунистов — партии «самых ранних» антифашистов, как ее стали называть, — о единстве действий снизу доверху. Дискуссия в Мэдисон-сквер-гарден 27 ноября 1935 г., породившая столько надежд, должна была, казалось, найти свое продолжение в координации усилий на всех уровнях — от борьбы за углубление конкретных социальных преобразований на местах до совместных акций общеполитического характера. Вся внутренняя и международная обстановка, наконец, простой здравый смысл подсказывали, что новыми, высшими задачами, выдвигаемыми моментом, являлись организация отпора контрнаступлению реакции, стремившейся торпедировать прогрессивные начинания «нового курса», и всемерное содействие развитию независимого политического действия масс. Достигнутое тесное взаимодействие социалистов и коммунистов в рамках движения безработных, в деятельности молодежных организаций доказывало эффективность тактики единого фронта и наличие в низовых организациях социалистической партии желания следовать ей.

Но, как показали события, руководящее ядро социалистической партии не было настроено действовать в духе искреннего сотрудничества и рабочей солидарности. Его пугало продолжение линии на объединение усилий обеих партий. Все, что исходило от коммунистов, рассматривалось им как подкоп под самостоятельность социалистической партии. Тактические зигзаги призваны были не дать развиваться «опасной» тенденции к сближению.

Внезапные повороты и шатания из стороны в сторону — в традициях мелкобуржуазного социализма²². Здесь следует искать объяснение нараставшей в руководстве социалистической партии тенденции к обособлению от общедемократического движения, от левых сил в профдвижении, от прогрессистских кругов. Нежелание вести трудную и кропотливую работу там, где есть массы, мотивировалось опасениями раствориться в море теоретически отсталых настроений, утратить политическое лицо и пр. Поза преувеличенной революционности, революционное фразерство, которые всегда беспощадно высмеивали и осуждали Маркс, Энгельс и Ленин, тем легче были усвоены лидерами социалистической партии, что ее двери оказались широко распахнуты для изгнанных из компартии троцкистских элементов.

Налицо было, казалось, парадоксальное явление — идейное сближение, а затем организационное слияние двух внешне несводимых течений в рабочем движении — социал-реформистского и «ультрареволюционного», троцкистского. В действительности их объединяли не только стремление держаться вместе перед лицом роста влияния коммунистической партии, но и одинаковые методологические корни правого и «левого» оппортунизма. И тот и другой не в состоянии усвоить диалектику общественного

²⁰ «New Leader», 17.II.1934, p. 7; M. B. Seidler. Op. cit., p. 125.

²¹ D. A. Shannon. The Socialist Party of America. A History. Chicago, 1967, p. 243.

²² См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 14, стр. 368.

развития, включающую различные тенденции, эволюцию и скачки, прерывность и непрерывность. Отсюда абсолютно метафизический, односторонний подход к реальным противоречиям политического процесса, постоянное преувеличение то одной, то другой его черты, жесткое противопоставление их друг другу, неисторическое воззрение на меняющуюся расстановку классовых сил в системе общественных отношений. И в 1933 г. и в 1936 г. «новый курс» был буржуазной политикой реформ, но к середине 30-х годов не только четко определились «полюса» буржуазной демократии, но и выросла особая острота контрастности монополистической реакции, выступавшей под флагом консервативной оппозиции (республиканская партия, Лига свободы) и правого экстремизма (Союзная партия, Хью Лонг, Ч. Кофлин и др.). Эту особенность момента социалистическая партия явно просматривала.

В то время как коммунисты, учитывая тенденции внутреннего и международного развития, в преддверии имевшей огромное политическое значение избирательной кампании 1936 г. взяли курс на сплочение рабочего класса, фермерства, негритянских масс, средних слоев вокруг программы частично уже завоеванных социальных преобразований (что, конечно, не снимало вопроса о критике их ограниченности и преодолении этой ограниченности на путях классовой борьбы), лидеры социалистической партии, прикрываясь словесной эквилибристикой и призывая блюсти «чистоту» принципов, категорически отвергли идею антифашистской, демократической коалиции²³. «Выбора нет! — восклицала газета социалистов в мае 1936 г. — Те, кто оперирует формулой «Рузвельт или реакция», поступили бы правильно, если бы разделительный союз «или» сменили на соединительный «и»²⁴.

Из верной в теоретическом смысле посылки о невозможности для капитализма преодолеть свойственные ему внутренние противоречия делался вывод, в корне ошибочный, о допустимости поддержки только такой выработанной совместно с другими общественными группами и партиями платформы, которая целиком и полностью отвечает требованиям (условиям) социалистической программы-максимум²⁵. Всякие другие решения, как утверждали тот же Томас и многие ведущие руководители социалистической партии, приведут к демобилизации рабочих в час решающих испытаний, который грядет, и осталось только терпеливо дожидаться случая, когда буржуазный либерализм — последний оплот капитализма — окончательно разоблачит себя в глазах масс. Поэтому и усилия коммунистов наладить в интересах борьбы за демократию и социализм сотрудничество с различными общественными слоями, угнетаемыми монополиями или сознающими опасность фашизма, изображались как политическое поражение, как пособничество тем, кто хочет продлить жизнь смертельно больного — капиталистического строя²⁶.

²³ N. T h o m a s. After the New Deal, What? New York, 1936, p. 214.

²⁴ «Socialist Call», 2.V.1936, p. 16.

²⁵ N. T h o m a s. After the New Deal, What?, p. 229.

²⁶ Уже в 1936 г., категорически отвергая возможность даже условной поддержки «либерального» режима (т. е. «нового курса») перед лицом растущей реакционной оппозиции, лидер социалистов Томас демагогически апеллировал к историческому опыту. В качестве отрицательного примера, якобы подтверждающего правильность линии, выработанной Национальным исполкомом социалистической партии, он указывал на печальные результаты политики германской социал-демократии. «Германские социал-демократы, — говорил он, — голосовали за Гинденбурга с тем, чтобы нанести поражение реакции. Что же они получили? Гинденбурга и Гитлера, а затем одного Гитлера». — «Socialist Call», 8.II.1936, p. 12; см. также M. B. S e i d l e r. Op. cit., p. 166. Таким образом, германская социал-демократия, заигрывавшая с начала первой мировой войны с силами крайней реакции, приравнивалась к коммунистам, а Гинденбург и стоявшие за его спиной реваншистские, милитаристские круги, мостившие путь Гитлеру к власти, — к либеральной буржуазии, придерживавшейся в целом антифашистских позиций, поддерживавшей курс на реформы. Аргументация Томаса, как говорится, хромала на все четыре ноги.

От этой нарочитой озабоченности идейной и политической стерильностью движения, от кичливого присоединения к социал-демократической ортодоксии веяло непониманием изменившихся условий борьбы и старым вредоносным сектантством, о разрушительных последствиях которого американских социалистов неоднократно предупреждал еще Ф. Энгельс.

Компартия была поставлена перед необходимостью определить свое отношение к этой пагубной линии, толкавшей сознательные элементы на самоизоляцию от массового движения. Резолюция съезда партии, собравшегося в июне 1936 г., отмечала, что коммунисты стремятся к «всемерному объединению и концентрации всех сил рабочего класса и его союзников в борьбе против политической комбинации, представляющей республиканскую партию, Лигу свободы и прессу Херста», т. е. консервативные и реакционные круги главным образом средней и крупной буржуазии. В порядке полемики с основным лозунгом социалистической партии («социализм против капитализма») компартия открыто заявила: «Если главным вопросом политического момента является вопрос о победе социалистической революции, то между первым (социализмом. — В. М.) и вторым (капитализмом. — В. М.) нет среднего пути... Но сейчас вопрос не стоит так — капитализм или социализм. Он формулируется иначе, а именно: прогресс или реакция, фашизм или демократия. Пробуя удержаться где-то посередине, Рузвельт ищет средний путь. Американское рабочее движение и все прогрессивные силы жизненно заинтересованы в том, чтобы использовать все возможности этого среднего пути для разгрома реакции и для развития их независимой политической силы. И в то же время ни при каких обстоятельствах они не должны позволить навязать им этот средний путь в качестве их собственного... Единственно правильной политикой для рабочего класса является политика независимого политического действия в союзе с трудящимися фермерами, неграми и средними слоями. Это означает политику полного размежевания с обеими буржуазными партиями» ²⁷.

Время доказало правильность этой тактики. Привлекая к себе сторонников из непролетарских слоев и осуществляя руководящую роль в широких общедемократических движениях (антивоенном, негритянском, студенческом, безработных и т. д.), компартия активнейшим образом содействовала кристаллизации организационно неоформленной прогрессивной коалиции «нового курса» ²⁸. Поддержка общедемократического движения содействовала укреплению связи партии с массами, превращению ее в важный фактор всей политической жизни страны. При этом компартия не растворилась в широком движении за социальные реформы, хотя ревизионистские элементы во главе с Э. Браудером с конца 30-х годов пытались вести линию на слияние с буржуазной демократией, извращая тактику антифашистского, антимилитаристского блока, зафиксированную в соответствующих партийных решениях. И в идейной борьбе, и в практике повседневной деятельности компартия не затушевывала разнородность целей и задач различных классовых и политических сил, составляющих демократическую коалицию. Сохраняя политическую инициативу и идейную самостоятельность, компартия защищала прогрессивные аспекты рузвельтовского «нового курса» от нападок справа, одновременно развивая критику рузвельтовской политики, ее непоследовательности и зависимости от интересов финансово-промышленного капитала ²⁹.

Пытаясь представить компартию в качестве соучастника «общего заговора против рабочего движения», руководство социалистической партии возводило самые нелепые обвинения против многих прогрессив-

²⁷ Цит. по: «Political Affairs», December 1971, p. 45.

²⁸ См. материалы пленума ЦК КП США (февраль 1938 г.) — «Communist», March 1938, p. 214—219.

²⁹ См. P. Dennis. On Independent Political Action. — «Political Affairs», December 1971, p. 46.

ных деятелей, близко стоявших к администрации Рузвельта. Вину компартии усматривали даже в назначении «реакционера» Джозефа Дэвиса послом США в Москве. Все это выглядело более чем странным, ибо последний всегда дружелюбно относился к СССР, в то время как антисоветизм Томаса и других членов Национального исполкома социалистической партии ни для кого не составлял секрета. Даже лозунг создания системы коллективной безопасности на международной арене, выдвинутый Советским Союзом и поддержанный компартией, фантастическим образом увязывался с агрессивными устремлениями международного империализма³⁰. По этой своеобразной логике, в которой все было поставлено с ног на голову, программа Народного фронта во Франции и в Испании рассматривалась как абсолютно неприемлемая, ибо... была недостаточно революционной³¹.

Справедливо видя в фашизме порождение кризиса буржуазной демократии, идейные вожди социалистической партии вместе с тем неверно определяли его социальную природу. Она отождествлялась всецело с мелкобуржуазными слоями, их стихийным бунтом против сложившихся условий. Тем самым смазывалось различие между классовым содержанием фашистских движений и массовой базой, на которую они опирались. Вместо уяснения методов и средств отражения фашистского влияния на промежуточные слои социалисты в самой категоричной форме ударились в противопоставление интересов пролетариата (который «хочет покончить с системой частной собственности») ³² интересам эксплуатируемых крупным капиталом непролетарских слоев — фермеров, городской мелкой буржуазии и др. Последние изображались главным источником и главным оплотом фашистской опасности.

Такая позиция имела одинаково скверные последствия в двух отношениях. Рассуждения о заинтересованности средних слоев любой ценой сохранить их прежний социальный статус и систему частнособственнических отношений ³³ не только затемняли определяющую роль наиболее реакционных групп монополистического капитала в насаждении фашистских тенденций, но и призваны были служить оправданием для саморазрушения от трудного поиска путей и способов осуществления политики широкого антифашистского фронта в защиту демократии. Вместо тяжелой работы по собиранию сил, способных бороться за коренные преобразования, социалисты занялись крикливой проработкой коммунистов, утверждая, что они «отвлекают» рабочий класс от непосредственной подготовки общего штурма капиталистических устоев³⁴.

Итак, от признания либеральных реформ за частичное осуществление социализма Томас и его окружение в руководстве партии пришли

³⁰ New York Public Library (далее — NYPL). N. Thomas Papers. «Statement of the National Executive Committee of the Socialist Party, 13.I.1937»; «Socialist Call», 9.I.1937, p. 5; 20.II.1937, p. 6.

³¹ W. Z. Foster. The Crisis in the Socialist Party. New York, 1936, p. 62—63. Б. Фишер, один из руководителей молодежной организации социалистической партии, писал Н. Томасу: «Народный фронт, с моей точки зрения, является столь же неприемлемым в момент политического кризиса, как и в любых других условиях. В момент кризиса, когда рабочее движение сплотится для последней решающей схватки, Народный фронт способен разоружить его... Испания помогает убедиться в этом, а Франция дает дополнительные доказательства». — NYPL. N. Thomas Papers. Ben Fischer to Thomas, 3.X.1936. По мнению лидеров социалистической партии, коммунисты, высказавшись в поддержку Народного фронта во Франции, тем самым «совершили самоубийство». В противоположность им, спасаясь от удушения в «объятиях» общедемократического движения, социалисты, как заявлялось, должны следовать особым путем, написав на своем знамени лозунг: «Никаких компромиссов, никаких соглашений». — «Socialist Call», 22.II.1936, p. 4; 4.IV.1936, p. 5. Социалистические лидеры пренебрежительно отнеслись даже к созыву в феврале 1936 г. Национального негритянского конгресса, мотивируя свою позицию неоднородным социальным составом его участников. — «Socialist Call», 15.II.1936, p. 4—10.

³² «Socialist Call», 8.VIII.1936, p. 11.

³³ «Socialist Call», 2.V.1936, p. 24; 15.VIII.1936, p. 10.

³⁴ «Socialist Call», 1.II.1936, p. 10; 31.X.1936, p. 3; 2.I.1937, p. 6; 3.IV.1937, p. 2.

к формуле «все или ничего». Какое-то время они повели себя примерно так, как действовали во Франции противники французских коммунистов после конференции в Иври (июнь 1934 г.), вырядившиеся в тогу «защитников» чистоты марксистско-ленинского учения³⁵.

У. Фостер справедливо указывал в июне 1938 г., что всегдашний оппортунизм руководящей верхушки социалистической партии никуда не исчез, несмотря, как могло показаться, на коренной с их стороны пересмотр установок 1932—1933 гг. Он только принял «новые формы»³⁶. Ультралевая фразеология призвана была оправдать боязнь и неспособность вести черновую работу в гуще масс, пассивное ожидание «великих событий». Результат не замедлил сказаться: демонстративная враждебность к «новому курсу» ослабила позиции партии в профсоюзах, которые ее поддерживали; нежелание присоединиться к инициативе прогрессивных профсоюзов, направленной на создание собственного политического механизма, привело к дальнейшей изоляции партии от массового движения³⁷.

На словах предаваясь негодованию по поводу воображаемого «несоответствия» линии компартии «выдержанной» стратегии борьбы за социализм, лидеры социалистов на деле не брезговали тесным сотрудничеством с теми элементами, чей оппортунизм давно перерос в неприкрытую апологию монополистического капитала и яростный антимарксизм. Исключенные из рядов компартии еще в 1928 г. за правый уклон Джей Ловстон и его группа рассматривались руководством социалистов в качестве полезных союзников в борьбе против попыток компартии создать единый рабочий фронт, укрепить КПП. Тогда, когда всего нужнее были сплоченность и взаимодействие, в разгар жарких классовых схваток в ведущих отраслях промышленности 1936—1937 гг., лидеры социалистической партии толкали местные организации на путь фракционной борьбы, раздоров и мелких интриг, великим мастером которых был и на протяжении почти 50 лет оставался Ловстон³⁸. «Что касается Ловстона,—инструктировал Томас руководителей отделения социалистической партии в Мичигане,—запомните, пожалуйста, что он является умелым посредником... Как я уже писал вам, я полагаю, что было бы хорошо поддерживать с ним или с его группой определенный контакт, в особенности из-за того, что наша зависимость от коммунистов становится в масштабах страны все более и более опасной»³⁹.

Двуличие Национального исполкома социалистической партии, шумно выразившего свое намерение быть «революционнее всех» и одновременно взявшего за правило повторять общие места буржуазной пропаганды о «захвате» коммунистами КПП, осуждавшего молодые производственные профсоюзы за проявленную ими отвагу в борьбе с капиталом⁴⁰, вызывало недоумение, протест и осуждение классово сознательных элементов в партии, социалистов по убеждению, а не из моды. Профсоюзный функционер из Нового Орлеана писал исполнительному секретарю партии Р. Бер-

³⁵ См. М. Торез. Сын народа. М., 1960, стр. 85—86.

³⁶ «Communist», June 1938, p. 509.

³⁷ I. Howe, B. J. Widick. The UAW and W. Reuther. New York, 1949, p. 51—52.

³⁸ NYPL. N. Thomas Papers. Ben Fischer to Art McDowell, 4.X.1937; T. Smith to Thomas, 8.X.1937; Frank Winn to L. Stark, 5.XII.1937; Ben Fischer to Art McDowell, 8.XII.1937.

³⁹ NYPL. N. Thomas Papers. Thomas to Ben Fischer, 9.XI.1937.

⁴⁰ В критические дни всеобщих забастовок 1937 г. Н. Томас в конфиденциальном порядке упрощал У. Рейтера (последний в то время являлся членом социалистической партии) и других руководителей профсоюза рабочих автомобильной промышленности не прибегать к такому популярному и эффективному в 30-х годах оружию рабочих, как сидячая стачка. Томас был очень озабочен сохранением профсоюзом характера respectable и законопослушного объединения.— NYPL. N. Thomas Papers. Thomas to Walter Reuther and George Edwards, 26.XI.1937; см. также «Socialist Call», 27.III.1937, p. 12.

ту: «Социалисты Нового Орлеана держатся на огромной дистанции от рабочего движения и видят всю ситуацию в абсолютно ложном свете... Партия сама устранилась полностью от той борьбы, которую ведут профсоюзы против реакции... Прискорбно видеть, как вся энергия социалистов уходит на то, чтобы доказать их готовность пойти в тюрьму... в то время, как не делается ничего для организации должного отпора местной реакции»⁴¹. Вот еще один отрывок из письма рядового активиста партии членам ее руководящего состава: «Я считаю, что социалистическая партия не может нормально развиваться, положив в основу своей деятельности антикоммунистическую кампанию. Наша задача — бороться против капиталистов. Если мы в чем-то не согласны с коммунистами, мы все равно не должны оказывать помощи прессе Херста и охотникам за красными, которые являются врагами рабочих. Рядовые члены партии устали выслушивать злобные нападки на Советский Союз, в защиту и поддержку которого высказался съезд нашей партии. Мы не хотим превратить наши местные организации в антисоветские сборища»⁴².

Дискуссия между коммунистами и социалистами по вопросу о создании массовой рабоче-фермерской партии, практические шаги в этом направлении рельефно выявили позиции обеих партий. Сама же проблема являлась узловым в плане анализа сложившейся ситуации и поиска демократической альтернативы буржуазно-либеральному курсу.

В условиях США середины 30-х годов движение за создание рабоче-фермерской партии, на что было обращено внимание на VII конгрессе Коминтерна, могло стать действенным инструментом сплочения демократической коалиции народных сил и одновременно средством давления на «новый курс», понуждавшим администрацию Рузвельта идти на продолжение и углубление социальных реформ. В зародыше это движение несло в себе реальный вызов двухпартийной системе. Спонтанный процесс рождения и развития рабоче-фермерских партий, идейно-политическая платформа которых представляла часто переплетение антикапиталистических и общедемократических устремлений и лозунгов, уже сам по себе был обнадеживающим явлением. Содействие со стороны профсоюзов, крупных фермерских организаций делали реальными шансы движения.

Коммунисты, сознавая, что дальнейшее промедление с поддержкой лозунга создания рабоче-фермерской партии сделает все движение легкой добычей буржуазного прогрессизма, на своем IX съезде в июне 1936 г. заявили о необходимости активно содействовать его развитию⁴³. В рамках данного движения они трудились над осуществлением идеи антимонополистической демократической коалиции, в которой рабочий класс призван был играть ведущую роль. Укрепляющееся «чувство исторического сопротивления», трезвый учет всех слагаемых политической обстановки, а также уроков предшествующего опыта позволили компартии выработать тактику, в целом адекватную зрелости наличествующих объективных и субъективных предпосылок борьбы за социалистическую альтернативу.

Социалистическая партия заняла диаметрально противоположную позицию, хотя время от времени ее руководители объявляли о своей принципиальной поддержке идеи рабоче-фермерской партии⁴⁴. Следуя тактике «ничегонеделания», как ее охарактеризовал секретарь партийной организации социалистов штата Индиана⁴⁵, лидеры партии постарались утопить реальные дела в бесконечных препирнях по вопросу о жизнеспособности

⁴¹ NYPL. N. Thomas Papers. Frank Daniel to Roy Burt, 28.I.1937.

⁴² NYPL. N. Thomas Papers. L. Kruhe to C. Senior, 28.VII.1936.

⁴³ «Resolution of the Ninth Convention of the Communist Party of the USA». New York, 1936, p. 35.

⁴⁴ См. «История рабочего движения в США в новейшее время», т. I. М., 1970, стр. 395.

⁴⁵ NYPL. N. Thomas Papers. Roy C. Lancaster to National Executive Committee of the Socialist Party, 26.X.1936.

способности движения. Штаб-квартиру партии в Чикаго с мест информировали о сочувствии рядовых социалистов росту движения за создание массовых рабоче-фермерских партий ⁴⁶. Однако под тем предлогом, что их платформы не являются «абсолютно социалистическими» и классово-определенными, руководство социалистов либо санкционировало отказ от делового сотрудничества с ними, либо сознательно тормозило развитие такого сотрудничества ⁴⁷.

Случилось неизбежное. Партия социалистов лишилась возможности влиять на ускорение политического самоопределения профсоюзов и фермерских организаций. «Мы остались в стороне от прогресса создания рабочих партии, — с горечью констатировал в письме национальному секретарю партии К. Сениору один из его местных корреспондентов. — Профсоюзы, которые пошли по этому пути в Нью-Йорке (речь идет о создании Американской рабочей партии штата Нью-Йорк — В. М.) и, по-видимому, сделают то же самое повсюду, принадлежат к консервативному крылу рабочего движения. Все это верно. Они сформируют консервативную партию. Но из этого вытекает только одно, а именно — для социалистической партии тем более важно выразить наши симпатии в отношении их целей, а затем в подходящий момент конструктивным образом дать критическую оценку их философских и тактических принципов» ⁴⁸. Увы, чикагские стратеги не вняли своевременным советам. В 1938 г. съезд социалистической партии в Кеносе (штат Висконсин) специально рассмотрел вопрос об отношении к независимым политическим образованиям типа рабоче-фермерских партий. Большинство отвергло предложения в пользу участия социалистов в их деятельности ⁴⁹.

Для всех тех, кто сохранял верность идеалам Дебса и действительно хотел видеть социализм знаменем, движущей идеей массовой борьбы, все заметнее становилась пропасть между общими декларациями и практической линией руководства. Здесь истоки драмы целого поколения социалистов, спрашивавших себя, есть ли у партии будущее, перспектива сохранить себя как влиятельную силу на политической арене США, если она отгораживается стеной от реальных проблем и насущных задач рабочего движения, если она впадает в бескрайнее доктринерство в ущерб живому, многостороннему пониманию действительности.

Характерный пример — письмо Р. Ланкастера, секретаря партийной организации социалистической партии в штате Индиана, членам руководства. «Некоторое время назад, — писал он, — я прочитал статьи одного бывшего члена социалистической партии, в которых автор утверждал, что в Индиане нет и в помине социалистов. Если он имел в виду номинальных членов партии, то он ошибается, ибо членские взносы продолжают поступать относительно исправно; но если он имел в виду партию как важную силу профсоюзного движения, партию, которая активно руководит борьбой рабочих, то он прав... Можем ли мы рассчитывать привлечь революционные элементы в партию, если руководящая роль в ней принадлежит людям, которые постоянно дискредитируют ее? И нужно ли стараться вовлекать новых членов в партию только для того, чтобы терять их? А это происходит неизбежно, ибо все видят, что фактически представляет собой наша партия. На прошлой неделе об этом можно было получить полное представление, наблюдая, как на съезде рабоче-фермерской партии штата делегаты-социалисты раскололись и заняли противоположные позиции по жизненно важному вопросу о поддержке движения» ⁵⁰.

⁴⁶ NYPL. N. Thomas Papers. Alfred Baker Lewis to Clarence Senior, 13.XI.1936; Roy C. Lancaster to National Executive Committee of the Socialist Party, 26.X.1936.

⁴⁷ NYPL. N. Thomas Papers. Daniel W. Hoan to Thomas, 2.X.1936; Memorandum 6.XI.1936; Thomas to Paul Porter, 4.II.1937.

⁴⁸ NYPL. N. Thomas Papers. Zilla Hawes to C. Senior, 19.XI.1936.

⁴⁹ M. B. Seidler. Op. cit., p. 200—201.

⁵⁰ NYPL. N. Thomas Papers. Roy C. Lancaster to National Executive Committee of the Socialist Party, 26.X.1936.

Второй документ относится к более позднему времени, к концу 1937 г. Уроки прошедшего пятилетия позволяли почти безошибочно судить о главных тенденциях политического развития, о расстановке классовых сил, реальных угрозах и трудностях. Автор письма Д. Лассер, президент общенационального Рабочего альянса (организации безработных), работавший бок о бок с коммунистами, по существу поставил вопрос так: если социалистическая партия упустит свой шанс и останется равнодушной к неотложным нуждам рабочего и общедемократического движения, то она вскоре окажется в положении политического банкрота. Указывая на наличие серьезных настроений в руководстве КПП в пользу поддержки фронта единства всех демократических элементов, автор письма самокритично констатировал: «Следуя нашей сектантской, критиканской линии, мы упускаем возможность оказать свое влияние на развивающийся подъем массового движения». Было бы преступлением, продолжал Лассер, оставаться в стороне от унитарного движения. Ведь все равно оно пробьет себе дорогу и без социалистов. Репутация партии, ее будущее поставлены на карту. Или с массами и во главе их, или трясина самоизоляции, тупики политического бездорожья. «Нет сомнений, — заканчивал Лассер, — что коммунистическая партия полностью отдает себе отчет в создавшейся ситуации и готовится активно влиять на развитие событий. Я убежден, что это развитие может пойти в направлении создания так называемого Народного фронта, что, конечно же, исторгнет у сторонников сектантской тактики вопль: «Это линия компартии, мы не должны поддерживать ее». Лично меня все это не страшит. Сектанты в социалистической партии так часто оказывались полными банкротами, что они окончательно дискредитированы в глазах американских рабочих»⁵¹.

Все эти суждения и советы были оставлены Национальным исполкомом социалистической партии без последствий. Более того, сохранив без изменений свое отношение к проблеме рабоче-фермерской партии, исполком перенес его и на связи партии с «новым тред-юнионизмом», бурно развивавшимся после раскола АФТ в 1935 г. и ставшим самой надежной опорой демократической коалиции «нового курса». Социалистическая партия, за много лет не сумевшая выработать четкой линии в вопросах профдвижения, и на сей раз не смогла сделать этого. На местах отдельные деятели партии, занимавшие видные посты в старых союзах АФТ, оказались в лагере тех, кто усмотрел в действиях КПП и его лидеров «политический авантюризм», «раскольнические тенденции» и т. д.⁵²

Показная революционность наподобие укороченного плаща не смогла уже скрыть истинное желание руководящей верхушки социалистической партии сохранить буржуазную «почтенность», которая позволяла сидеть сложа руки в ожидании автоматического краха капитализма. Поспешно расторгались все прежние обязательства. После выборов 1936 г. в одностороннем порядке социалистическая партия порвала все контакты с компартией. «Никакого единого фронта с коммунистами и другими партиями» — таков был девиз Томаса. Движение за рабоче-фермерскую партию расценивалось не иначе как «преждевременная затея». В 1937 г. социалисты отказались поддержать деятельность Американской лиги против войны и фашизма⁵³. По интенсивности нападков на компартию США, на Советский Союз и его политику выступления Томаса, Зама и других могли посоревноваться с газетными колонками Херста, Лоуренса, Пеглера и Люса.

Ряды социалистической партии катастрофически таяли. Ее покидали те, кто разочаровался в бесплодных перепалках, фракционных сварах

⁵¹ NYPL. N. Thomas Papers. D. Lasser to Thomas, 22.IX.1937.

⁵² T. W. C i a v e t t. Development of the Labor Movement in Milwaukee. Madison — Milwaukee, 1965, p. 164—166, 174; NYPL. N. Thomas Papers. James D. Graham to Thomas, 18.XI.1936.

⁵³ D. A. S h a n n o n. Op. cit., p. 252.

и мнимореволюционных словесных залпах. «Я не хочу делать социалистическую революцию, сидя за столиком кафетерия», — заявил в своем письме Р. Ланкастер, уведомляя Национальный исполком соцпартии об отставке с поста секретаря организации партии в штате Индиана ⁵⁴. В конце 30-х годов партия насчитывала не многим больше 6 тыс. человек ⁵⁵.

Если бы коммунисты отказались от критики пагубной политической линии руководства соцпартии, то все его «коловращения», как назвал их журнал «Communist», вместе с разрушительной работой троцкистов могли бы отбросить назад массовое движение. Между тем успехи в деле сплочения были несомненны. Никогда прежде забастовочное движение, борьба безработных, фермеров, молодежи, негров, антивоенное движение не развивались столь синхронно и никогда прежде связь между ними не была более устойчивой ⁵⁶. В этих условиях, предупреждал У. Фостер, стоило поддаться искушению принять за чистую монету ультралевую болтовню, чтобы из положения ведущего оказаться в положении стороннего наблюдателя, изъясняющегося на непонятном для широких масс языке, т. е. выключиться из борьбы, перестать активно влиять на ее ход ⁵⁷.

Решительно отвергая выдвинутые руководством социалистов нарочито крикливые лозунги борьбы за «чистый» социализм в качестве знамени политической кампании и вместе с тем настойчиво изыскивая лучшие формы подвода масс к более высокому уровню классовой сознательности и классового движения против капиталистической эксплуатации, войны и реакции, компартия вела последовательную линию на сплочение всех демократических элементов вокруг платформы, мобилизующая сила которой была подкреплена положительным (в целом) итогом непрерывных десятилетних усилий. «Защищать, улучшать и расширять существующее социальное и трудовое законодательство «нового курса» ⁵⁸, — так в условиях контрнаступления реакции формулировалась ближайшая тактическая задача в документах компартии накануне осенних выборов в конгресс 1938 г.

Сохраняя характер ведущей самостоятельной революционной силы в политической жизни страны, имеющей свою программу коренных социально-экономических преобразований, отчетливо отделяя прогрессивные черты «нового курса» от тех его сторон, в которых воплощалась классовая сущность буржуазного реформаторства, компартия вела борьбу на два фронта: против правого оппортунизма — проводника либеральных иллюзий — и мниморадикальной демагогии тех, кто не видел или не хотел видеть пути к сплочению и единству антимонополистических сил. «Рузвельт, — говорил У. Фостер на X съезде компартии в мае 1938 г., — не является социалистом, и он не ставит перед собой цели уничтожить капитализм. Но «новый курс», поддерживая капиталистическую систему, одновременно предоставляет известную защиту элементарных интересов рабочих, фермеров и низших слоев средних классов» ⁵⁹.

Буржуазные идеологи, насаждая миф о «государстве всеобщего благосостояния», выдавая политику Рузвельта за подлинную «революцию сверху», якобы сделавшую блага высокоэффективной капиталистической экономики США доступными всем и восстановившую в правах принцип социальной справедливости, всячески стремились идейно обезоружить массы, навязать им политику классового сотрудничества и примирения с действительностью. Известный спад массового движения имел под собой и объективные причины: некоторая стабилизация экономики в связи с переводом ее на рельсы подготовки к войне, уменьшение безработи-

⁵⁴ NYPL. N. Thomas Papers. Roy C. Lancaster to National Executive Committee, 26.X.1936.

⁵⁵ D. A. Shannon. Op. cit., p. 250.

⁵⁶ «Communist», August 1937, p. 761—770; March 1938, p. 266—271.

⁵⁷ «Communist», July 1938, p. 606.

⁵⁸ «Communist», November 1938, p. 993.

⁵⁹ «Communist», July 1938, p. 611.

цы, укрепление материальной базы профсоюзов, получивших, наконец, юридическое признание, и т. д. Новый поворот событий сделал руководящую верхушку соцпартии разносчиком мифа о трансформации буржуазного государства. С конца 30-х годов она все больше и больше идентифицирует свой общественный идеал с рузвельтовским либерализмом. Большая часть видных социалистов вышла из партии и заявила о своей поддержке демократической партии. Осколки социалистического движения возвратились к исходным позициям 1928—1932 гг. с той только разницей, что в новых условиях акцент больше делался на изоляционистскую пропаганду, антикоммунизм и антисоветизм ⁶⁰.

Смазывая классовые противоречия в американском обществе, ведущая группировка в партии вернулась к мелкобуржуазной проповеди универсального, всеспасающего действия «демократии» вообще, понимая под этим буржуазную демократию, историческая ограниченность которой будто бы была преодолена благодаря заимствованию («краже») у социализма его этических принципов и программы защиты материальных интересов народных низов. В «стейтизме» неолибералов правосоциалистические лидеры усмотрели новую точку опоры для апологии государственно-монополистического капитализма. Без учета этих особенностей в эволюции социалистической партии (от надежд на возрождение до краха) нельзя понять всех специфических трудностей и препятствий, которые мешали передовым элементам рабочего движения США полностью использовать возможности сопротивления монополистической реакции и сплочения сил демократии под знаменем антифашистского народного фронта.

⁶⁰ См. У. Ф о с т е р. Очерк политической истории Америки. М., 1953, стр. 551—553; Д. Г. Н а д ж а ф о в. Народ США — против войны и фашизма. 1933—1939. М., 1959, стр. 391; М. В. S e i d l e r. Op. cit., p. 203—211.